

Василий Катанов

Сабуровская крепость

1

Из глубин довоенного детства всплывает, будто корабль с морского дна, погожий летний день с ясным, голубым небом, с белыми, как снег, курчавыми облаками и долгой дорогой в Сабуровский лес. В лесу мы слушали смутный говор деревьев и пение птиц, искали грибы, любовались в сумрачной чаще серебристыми колокольчиками ландышей и при виде папоротников вспоминали причудливые истории, случавшиеся в ночь под Ивана Купала. На поляне шумно радовались солнцу, цветам, разноцветным бабочкам и высоким, по колено, травам. Собрались было возвращаться на свою Фоминку, но тут кто-то предложил сходить в Сабурово. Вышли на дорогу и двинулись в сторону старинного села. Не успели оглянуться, как пересекли поле и оказались на Медвежьей горе. Внизу бежал, поблескивая на солнце, мелководный Цон. На зеленом просторе выстроились хаты. И совсем близко...

— Сабуровская крепость! — крикнул кто-то из нас. Глазам предстали массивные степы, круглые башни, старая церковь вдали. Все из красного кирпича. Теперь-то я знаю, что бывшая усадьба Каменских — редкостный памятник XVIII века. Тогда многого не знал...

ЮНЫЕ ГОДЫ

1

Николай Михайлович Каменский родился 27 декабря 1776 года.

Пятилетний Сергей, давно уже зачисленный корнетом в Нижегородский драгунский полк, оставил игрушки и удивленно воззрился на крохотного человечка в пеленках.

— Это твой брат, — сказала ему, улыбаясь, мать. — Ты будешь его любить?

— Не знаю, — растерянно ответил первенец, шевельнув черными и круглыми, как у отца, бровями.

Каменский, командовавший в ту пору Воронежской дивизией, узнав о рождении второго сына, бросился в сани и крикнул кучеру голосом, от которого у того мурашки побежали по спине:

— Гони!

Тройка рванула с места и, взрывая копытами прикатанный снег, понеслась к Москве...

В комнату Анны Павловны не вошел, а вбежал, едва успев сбросить шинель на руки первому встречному лакею. Тот подхватил и отшатнулся, низко кланяясь, будто увидел не барина своего, а привидение.

Михаил Федотович шагнул к обложенной пуховиками кровати новорожденного, долго и пристально смотрел. Обернулся к жене, выжидательно наблюдавшей за ним, и выдохнул:

— Поздравляю! На тебя похож.

— Вылитый! Все крошки подобрал, — заговорила, как запела, няня-старушка из угла комнаты.

Каменский глянул свирепо, как огнем обжег. Мгновенно умолкла. Строго — жене:

— Похож на тебя. Однако, смею надеяться, маменькиным сынком Каменский-второй не будет. Да, да! Не будет. А посему...

Круглые брови порхнули вверх:

— Виват, сударыня! Виват!

Попугай, терпеливо внимавший всему, что происходило в комнате, не выдержал и подал голос:

— Ви-ват!

Генерал вспыхнул и погрозил пальцем:

— Цыц, шельма!

Попугай тронул клювом блестящие прутья клетки и бесстрастно повторил:

— Шельма, шель-ма.

В иную пору взрывчатый, как порох, хозяин велел бы наказать глупую птицу, но на сей раз цепкую бесцеремонность попугая сочли просто забавной. Слишком велик был праздник, дарованный дому Каменских на широком Зубовском бульваре.

«По сему случаю, — размышлял хозяин, расхаживая по кабинету, уставленному книжными шкафами, — пушкам бы греметь, пиитам вирши сочинять».

Из поэтов ближе всех ему были Алексей Ржевский и Ипполит Богданович. Первый приходился зятем, и при встрече с ним постоянно вспоминалась рано умершая сестра Александра. Второй...

Не Ахиллесов гнев и не осаду Трон,
Где в шуме вечных ссор кончали дни герои,
Но Душеньку пою.
Тебя, о Душенька! на помощь призываю
Украсить песнь мою,
Котору в простоте и вольности слагаю, —

строки знаменитой поэмы И. Ф. Богдановича были известны в доме Каменских задолго до ее опубликования. Первую ее часть под названием «Душинькины похождения» издал генерал со своим предисловием в 1778 году. В Петербурге Богданович был вхож в один из красивейших домов в дом первого русского мецената И. И. Шувалова. В угловой гостиной собирались Ломоносов, Сумароков, Костров, Державин, Шишков, княгиня Дашкова. Императрица Елизавета Петровна обедала. Екатерина Вторая бывала. Павел Первый на второй день после кончины хозяина, проезжая мимо, снял шляпу и низко поклонился. Что и говорить — высокая честь оказаться в кругу друзей Шувалова. Богданович не только пользовался этой честью, но и сумел не затеряться в блестящем кругу. Любовались его щегольским нарядом, светскими манерами, заслушивались рассказами о новостях столичных и заграничных. Не любил только Иван Федорович говорить о своих стихах. После выхода в свет «Душеньки» стал знаменит. Все начали в гости зазывать. Злые языки пустили слух, будто поэму сочинил не сам Богданович, а молодой человек, живший у него. Издатель поэмы М. Ф. Каменский насмешливо отметал сплетню и с превеликим радушием принимал автора в своем московском доме.

Стихотворная сказка на Зубовском бульваре звучала в одном ряду с русскими народными. Ее читали со сцены, украшенной драматическими творениями Вольтера и Мориво. Героиня Богдановича чувствовала себя уютно в мире песен, привезенных из деревни, сложенных под шум прялок и треск лучин. В песнях заливались соловушки, сияли зори, шумели дубравы.

Задумывался строгий хозяин и видел перед собой летний простор, речку Цон и березки на бугре.

Попугай проворно подражал и певцам, и актерам. Маленький Коля, научившись ходить, спешил в ту комнату, где висела клетка, и часами наблюдал за говорливой птицей.

В доме звучала французская речь в ряду с турецкой, завезенной черноглазыми пленницами из того далекого края, где, казалось Коле после рассказов отца, постоянно гремят пушки и храбрые русские солдаты берут штурмом одну крепость за другой.

Анну Павловну в Москве называли ангелом. Доброту она хотела передать сыновьям, но у старшего с годами складывался характер тяжелый, как у отца.

Младший радовал. К нему-то и стала она питать особую нежность и отчаянно тосковала, когда муж увозил его с собой в Сабурово. Коля, вернувшись из деревни, радостно рассказывал матери о путешествии в край полей и дубрав.

Суровый отец готовил ему военную карьеру. Однажды летом — дело было в июне 1779 года — он положил на плечо сына руку и сказал торжественно:

— Поздравляю! Отныне ты — корнет Новотроицкого кирасирского полка.

Отцовская рука беспокоила мальчика, ему очень хотелось пригнуться и выскользнуть из-под нее, но он побоялся это сделать.

Каменский понял желание сына и отпустил его:

— Беги к своим игрушкам. И не удержался от иронии:

— Маменькин сын...

Перечитав еще раз рескрипт Екатерины Второй, он задумался о будущем сына. Как-то сложится его судьба? Будет ли госпожа фортуна благосклонна к нему?

2

В 1783 году Каменские переехали в Тамбов. Екатерина Вторая назначила Михаила Федотовича губернатором тамбовским и рязанским. Город на Цне и Студенце заинтересовал мальчика.

— А почему река Цной называется? — приставал к отцу.

— Учись — все узнаешь, — отмахивался вечно занятый губернатор.

Коля, уже бывавший в орловском имении, хорошо запомнил речку Цон. И вот теперь — Цна. Детская фантазия рисовала картину-сказку: добрый молодец Цон, красная девица Цна. Мать охотно поддерживала его фантазии и нанизывала сказки, как бисер на шелковую нить.

Отцу было не до сказок. К нему шли и шли разные люди. С просьбами, жалобами. В приемной толпились русские, татары, мордвины. Губернатор всех выслушивал терпеливо. Иногда вспыхивал жарче огня.

Один раз заглянула просительница к нему в кабинет и ахнула: грозный губернатор кормил щенков из блюдца. В тот момент, когда Михаил Федотович взял одного за уши и ласково уговаривал не брезговать молоком, в дверях раздался вздох. Вскинул голову генерал, вспыхнул.

— Вон! — загремел.

Просительница замедлила. Каменский в ярости запустил в нее щенком. Щенок взвизгнул и присел испуганно. Женщина исчезла. Михаил Федотович остыл. Обнял косматого приятеля, стал гладить по голове:

— Прости, любезный! Прости! Все мы страдаем из службе царской.

Щенок вздрагивал и ежился. Когда же успокоился, то подошел к молоку.

— Ешь, милый! Расти, — растроганно приговаривал Каменский.

Некоторое время спустя, когда щенки, к великой радости Коли, поступили в его распоряжение, в той же комнате вновь гремел голос губернатора.

— Первым делом, — говорил он окружившим его чиновникам, — каждый дворянин должен служить. Бездельники пусть от меня помощи не ждут. Строг буду к дворянам в гнусной праздности пребывающим.

— Так точно, ваше превосходительство, — подхватил предводитель губернского дворянства. — Весьма верно.

— «Верно?» — быстро обернулся к нему Каменский. - В таком случае извольте делом доказать свое согласие. Вот мой приказ!

В приказе губернатор требовал всех праздно шатающихся дворян доставлять в город.

— Как доставлять? — оторопел предводитель. — Они же, смею заметить, люди вольные, не преступники.

— Доставлять, — продолжал Каменский, — а в городе учить грамоте и частично

арифметике.

— А ежели кто уже грамотен?

— Определить в какую-нибудь службу. Довольно и того пятна для каждой благородной фамилии, если в ней и один такой изверг найдется, который никогда, нигде, здоров будучи, не служивал.

В 1784 году узнал губернатор, что в городе Шацке местный портной Чириков — дворянин.

— Позор! — вскипел. — Дворянин имеет гнусное пропитание портняжным мастерством. Немедленно велю отослать его в Тамбов к коменданту для определения в штатную команду унтер-офицером, на вакансию рядового.

В приказе написал: «А чтобы и в прочих местах праздношатающих и гнусным образом пропитание достающих из дворян не было».

В самом начале 1786 года явился домой и скомандовал домашним:

— Собирайтесь в дорогу!

Тамбов лежал в сугробах. Коля, выглядывая из окошка кареты, видел убегающие дома, деревья, храмы. Речка Цна тонула под белым покровом. Впереди была Москва.

Более века спустя прочли во втором томе «России» В. П. Семенова (СПб., 1902):

«В 1783 г. рязанским и тамбовским генерал-губернатором был назначен Мих. Федот. Каменский (1738— 1809), впоследствии фельдмаршал и граф, оставивший по себе добрую память в Рязанской и Тамбовской губерниях просвещенным управлением — в частности — устройством широких больших дорог, обсаженных двумя рядами деревьев, с возвышенными боковыми дорогами для пешеходов».

Это «в частности» позволяет нам представить картину широкой деятельности неутомимого начальника, будущего графа и генерал-фельдмаршала. Представляю себе, как, прощаясь с равнинным краем, Михаил Федотович обращал внимание жены на дорогу:

— Ну как, сударыня? Хороша дорога? Лучше стала?

— Разумеется, лучше, — отвечала Анна Павловна.

— Да, — продолжал Каменский, — и через многие годы люди вспомнят обо мне.

Оставил Михаил Федотович, уже будучи графом и фельдмаршалом, память о себе и в знаменитой Саровской пустыни. Посетил обитель, перекрестился размашисто, спешно, внимательно оглядел иконы и вдруг огорошил монахов многоценным даром своим. Таким многоценным, что в названном описании В. П. Семенова потом прочли:

«Здесь же хранится древний патриарший иерусалимский крест с частицами мощей разных угодников, пожертвованный фельдмаршалом гр. Каменским».

Помнят М. Ф. Каменского в Тамбове, помнят в Рязани, По одной из дорог вела бабушка внука в монастырь. Дело было в самом начале XX века. Вела и приговаривала: «Иди, иди, ягодка, Бог счастье даст». Крепко запомнил ту «большую канавистую дорогу» внук, великий русский поэт Сергей Есенин, в одной из автобиографий упомянул. Дорога, построенная волей грозного генерал-губернатора, пролегла через детство гения, ставшего в один ряд с А. С. Пушкиным...

Губернаторство, принесшее Каменскому чин генерал-аншефа, ушло в прошлое.

В самом начале 1787 года он находился в Киеве. Туда же, совершая свое знаменитое путешествие по России, прибыла Екатерина Вторая. Сопровождавший ее французский посол Сегюр в «Записках» упомянул Каменского, назвав его человеком «живым, суровым, буйным, вспыльчивым». Мы не знаем, чем заслужил такую оценку в Киеве Михаил Федотович. Не знаем, долго ли пребывал на берегах Днепра. Пользуясь очерком Н. П. Барышникова «Императрица Екатерина II в Орловской губернии», можем твердо заявить: в Орле в те исторические дни (16—18 июля) знаменитого полководца, владельца Сабурова не было.

В конце все того же 1787 года генерал-аншеф Каменский прикатил на санках в Петербург. Россия готовилась к новой войне с Турцией. Екатерина Вторая радушно приняла Михаила Федотовича:

— В армию едешь, генерал?

- Еду, ваше величество.
- Зачем? — прищурилась царица.
- Ради любопытства, государыня.

Наутро Каменского увидели в Летнем саду. Ежедневные завтраки затеял, приглашая встречных и поперечных. Истратил пожалованные деньги и уехал. Пошел слух, что обиделся генерал на скупость царскую, вот и спустил все пять тысяч.

А может, просто память о себе хотел оставить? Обеды в Летнем саду и другие затевали.

Зима 1788 года была морозной и снежной. Шел декабрь. Каменский оставил под надежным прикрытием тяжелую артиллерию в Кишиневе и Чучулуне, разделил дивизию на три колонны и двинул к деревне Гангуре, откуда неприятель напал на наши посты. Первой подошла колонна генерал-майора Лассия и сразу же была атакована Мегмет-Гиреем, сыном татарского хана. Каменский вел среднюю колонну. Он ударил слева и в тыл. Опрокинул и погнал по глубокому снегу турок и татар, около сотни уложил. Среди трупов обнаружили самого Мегмет-Гирея. В Сакульцах Каменский велел пехоте передохнуть, а сам с одной только конницей продолжал гнать противника к деревне Макбет. Победа была полной: положил на месте до трехсот человек, взял в плен восемьдесят семь, отнял четыре пушки и шесть знамен.

После боя глянул Михаил Федотович на убитого сына хана и вздохнул. Вспомнил своих сыновей. Живо представил себе горе отца.

- Положите на сани и отвезите отцу, — приказал. Велел и письмо доставить.

В письме хану написал, что «препровождает оное для погребения», что делает это не как русский генерал, а как отец, дети которого могут «подвергнуться такой же участи».

Хан в ответном письме благодарил Каменского, утешая себя, что «сын его умер, храбро защищая права своего Государя».

Историк Д. Бантыш-Каменский отметил, что за эту победу М. Ф. Каменский получил орден Святого Владимира. Победу назвал «кровавой», с горечью упомянув «об истребленных в то время огнем и мечом двух селениях, Гангуре и Сакульцах».

3

В конце апреля 1789 года Михаил Федотович поздравил младшего сына с новой должностью:

- Отныне ты — генеральс-адъютант в штате отца. Вскоре он прощался с братом.

В начале мая Сергей, произведенный в подполковники, получил направление в Екатеринославский гренадерский полк. В следующем году он уже воевал со шведами под командой Салтыкова. Заслужил похвалу. В 1791 году отличился при переправе через Дунай в восемнадцать лет...

Анна Павловна в Москве, радуясь каждому письму, спешила к Екатерине Ермолаевне Блудовой, своей душевной подруге-соседке:

- Жив мой Сереженька! Жив... И тут же — в слезы:

— Ох, и судьба мне досталась! Сам то и дело под пулями, теперь за сына душа болит.

— Судьбу не выбирают, милая, — сочувственно вздыхала Блудова. — В молитве душу отведи.

Переводила разговор на младшего сына:

- Как там у Коленьки учење идет? Скоро ли приедет из Петербурга?

— Пока все идет хорошо. Думаю, летом свидимся.

- Будешь писать, поклон ему. И князю с семейством — поклон!

Коля учился в корпусе, в том самом, который окончили отец и старшин брат, а жил у Щербатовых.

Приезду его в Москву всегда радовался Митя, маленький сын Екатерины

Ермолаевны.

— Скоро Коля приедет? — донимал он мать.

— Как лето красное придет, так и приедет. Жди!

Мальчик смотрел на окно, разрисованное морозом, и вздыхал.

Вздыхала и Екатерина Ермолаевна. Знала, что и летом может оказаться Каменский-младший не в Москве, а в деревне вместе с отцом.

В 1789 году Михаил Федотович расхаживал по берегу Цна в крайне расстроенных чувствах. В усадьбе случился пожар. На том месте, где красовался барский дом, чернели обугленные бревна.

— В одночасье сгорел, — разводил руками управляющий, виновато поглядывая па хозяина. — Ума не приложу, как случилось.

— Было б что прикладывать, — хмуро язвил Каменский.

— Дерево-то, оно как? Раз — и пошло полыхать, — продолжал управляющий. — Камень — другое дело.

— Другое дело, — рассеянно повторил помещик; думая о своем.

Осмотрев церковь, Михаил Федотович убедился, что и она, каменная, от огня пострадала. «Надо будет, — грустно думал, — сестре Марии Федотовне написать. Она с батюшкой храм строила, пусть и подправит его так, как было. Пусть сыщет живописца и золотарей по своему вкусу, подправит полинялые образа. Да и самой надлежит надсматривать за работой. Для того и следует приехать сюда следующим летом».

Написал сестре и заторопился в дорогу.

В 1790 году находился в армии могущественнейшего Г. А. Потемкина. Григорий Александрович, как писал биограф, проводил время в Яссах «с великолепием и пышностью», но и среди увеселений был «мрачен, задумчив», душа рвалась в столицу, в письмах к государыне горячо писал о своей привязанности. Однажды ночью - случилось это в декабре — в Яссы прикатил в длинной молдавской повозке генерал-аншеф Суворов. На другой день явился к Потемкину. Светлейший вышел на парадное крыльцо. Поспешил обнять дорогого гостя, только что взявшего беспримерным штурмом крепость Измаил.

— Чем могу я вас наградить за ваши заслуги? - спросил Потемкин.

— Нет, ваша светлость, — ответил Суворов, — я не купец и не приехал к вам торговаться. Меня наградить, кроме Бога и Всемилостивейшей государыни, никто не может.

И подал рапорт.

Фельдмаршал рапорт принял «с приметной холодностью». Не говоря ни слова, прошли по залу и расстались.

В 1791 году Потемкин был, как всегда, деятелен. Курьеры с его письмами «летали во все концы Европы». Продолжались роскошные обеды. Но лихорадка, наконец, сделала свое черное дело. Медики не справлялись. В октябре повезли его в Николаев. Ночью болезнь усилилась. На тридцать восьмой версте от Ясс скончался.

Суворов назвал его великим человеком.

Каменский собрал генералов, объявил о кончине главнокомандующего и принял, опираясь на свое старшинство, армию. Долгое пребывание без назначения переживал тягостно. Теперь же горячо взялся за дело. Вызвал правителя канцелярии, генерал-майора В. С. Попова и обжег внимательным взором:

— Извольте, сударь, предоставить денежный отчет и сдать оставшиеся суммы.

Попов отказался. Поспешил донести в Петербург, что Каменский самовольно вступил в командование армией. Обстановка накалялась. А тут еще Сергей Каменский, вызванный отцом в Яссы, запоздал на целые сутки.

— Выпороть! — приказал Михаил Федотович.

Выпороть не успели. Прибыл генерал М. В. Каховский и предъявил ордер, полученный от Потемкина накануне его смерти. Каменский собрал совет. Кому быть главнокомандующим? Совет решил в пользу Каховского. Расстроился Михаил Федотович и

«уведомил о своей болезни» Михаила Васильевича. Императрица, узнав, разгневалась, назвала Каменского «сумасшедшим».

И поехал обиженный полководец в Орел. Вот тогда-то, по мнению исследователей Сабуровской крепости, он и приступил к осуществлению своего замысла...

4

Николай Каменский продолжал оставаться адъютантом при отце.

В погожий летний день, приехав в Сабурово, он с удивлением увидел, как на берегу игриво вьющейся речки поднимаются кирпичные стены и башни, как, засучив рукава и подобрав домотканые штаны, возятся с кирпичами и глиной мужики из орловских и владимирских поместий.

— Хороши мастера? — спрашивал Михаил Федотович. — Таких в самом Санкт-Петербурге поискать. Особо Минай Емельянов старается. Золотые руки, умная голова. Всем мастерам мастер.

Видел Николай, что отец вникает в каждую мелочь. Необычайно подвижный, с волосами, завязанными сзади пучком, он появлялся всюду: то в бричке катил на кирпичный завод, вернее — к ямам, где обжигали кирпич, то цепким взглядом осматривал глину, всматривался в багровые лица каменщиков, то неожиданно вырастал на лесах одной из башен.

— Старайтесь! — подгонял строителей. — Помните, что крепость сия сооружается не токмо в мое удовольствие, но и в память побед воинства российского.

— Знамо дело, в память, — отвечали мужики. — Только нас-то вспомнят ли когда-нибудь?

— У Бога все на примете, — бросал хозяин и спешил дальше.

Минай Емельянов, вытирая пот со лба, ворчал:

— Себе угомону не знает и нам покоя не дает.

— Помалкивай, — одергивали мастера. — Не то управляющий услышит.

Управляющего, угрюмого и вечно недовольного, боялись больше, чем самого хозяина...

Из Орла иногда навещался губернский архитектор. Вот и сегодня его карета показалась на Медвежьей горе. Спустилась вниз, пропылила пологим берегом реки и предстала глазам строителей. Из кареты вышел плотный человек с румяным лицом и пушистыми усами.

— Бог вам в помощь! — весело крикнул мужикам.

— Спасибо! — охотно отозвались они, продолжая работать.

— В кабинет прошу, в кабинет, — торопливо заговорил Михаил Федотович, зазывая гостя в дом.

Двухэтажный дом, возведенный в строгом готическом стиле, уже высился в окружении цветов и деревьев. Деревья были еще очень молоды. Недавно разведенный сад казался нарисованным на ровном пространстве, заключенном в кирпичный квадрат будущей крепости. Впрочем, передняя сторона квадрата задумана не кирпичной, а решетчатой, как в Летнем саду в Петербурге.

Отец уже рассказал Николаю обстоятельно, где какая башня будет, где он решил построить подвалы с конусными крышами.

— Там же, в самой середине задней стены, — пояснял он, — театр заведу!

Сын удивленно вскинул брови.

— Да, да! — продолжал Михаил Федотович. — В мои годы кадеты весьма увлекались лицедейством. Да и сама государыня Елизавета Петровна поощряла нас. Помните, отменно хороши были спектакли с участием Сумарокова, драматурга нашего. А мне, к слову сказать, в Бреславле-городе сам Фридрих Великий рукоплескать изволил. Так-то!

Приезд губернского архитектора Петонди вызвал интерес и у Николая. Он заглянул в кабинет отца. Увидел чертежи на столе. Петонди, сидя в кресле, внимательно рассматривал их и слушал хозяина: тот горячо говорил о турецких крепостях. Слышалось: Хотин, Бендеры, Аккерман...

— А, мой адъютант! — обрадованно обернулся к сыну. — Изволь-ка, сударь, оценить сие творение. На твоих глазах чертежи в камень одеваются. Каково?

И озорно подмигнул:

— Что скажешь о Вобанах российских?

— Крепость отменно скоро строится, батюшка, — ответил Николай, вспомнив проворные руки и багровые от жары лица каменщиков, полуголых обжигателей кирпича на берегу реки.

— Скоро, говоришь? Не токмо скоро, но и прочно. Сие тоже видеть надобно.

Михаил Федотович повернулся к столу и вновь прильнул к чертежам.

Николай вышел на улицу.

В голубом просторе неба голосисто заливались жаворонки. Редкими ключьями проплывали облака. Он вдруг с грустью подумал, что и через много-много лет будут также петь жаворонки, будет чуть слышно шелестеть Цон, осененный пушистыми лозами. А крепость? И она будет. Ведь ее возводят из прочнейшего кирпича, на века возводят. А он? Много ли ему отведено жить под этим удивительно синим небом?

Николаю вспомнилась первая крепость, увиденная им. Возвышалась она в виде модели в просторном зале Сухопутного шляхетского корпуса, ставшего Первым кадетским. Макет изображал одну из крепостей, сооруженных по чертежам Вобана — знаменитого инженера — маршала Франции.

— Сей француз, — говорил преподаватель артиллерии и фортификации, - жил в семнадцатом веке. Он участвовал в осаде 53 крепостей, защищал две, построил 30 и переделал 300.

Кадеты удивлялись и с любопытством рассматривали портрет человека в пышном парике.

Когда же речь пошла о турецких крепостях, взятых русскими, преподаватель возвысил голос:

— Запомните имя Румянцева. Запишите имя сие в тетрадях ваших, в памяти и сердцах! Он был кадетом, пусть же будет наставником вашим на путях службы военной.

Затем было названо имя Суворова... Размышления Николая прервал отец. Проводив Петонди, он решил продолжить разговор с сыном.

— Смотри и запоминай, — сказал, кивнув в сторону почти законченной башни. — Быть может, и тебе придется брать штурмом подобные укрепления.

— Как Суворову Измаил привелось, батюшка? — улыбнулся сын.

Он знал, как ревниво отец относится к славе знаменитого полководца, и все-таки позволил себе упоминание взрывчатого имени.

Умный Каменский не взорвался. Он ловко подбросил свое:

— Или как родителю твоему довелось брать Вендоры, Хотин, Аккерман, Козлуджи...

Он знал себе цену и хорошо помнил свои победы.

Солнце между тем совсем скатилось к горизонту. От реки потянуло прохладой. С колокольни поплыл мелодичный звон. Бородатый мужик, работавший на стене, перекрестился и двинулся вниз по скрипучей лесенке.

— Кончай, ребята! - подал зычный голос Минай Емельянов и добавил весело: — А то завтра делать будет нечего.

Михаил Федотович, будто продолжая только что сказанное сыну, заметил:

— Звонят колокола! Все шесть звонят. А тот, что пушкой был под крепостью Шумлой да наших солдат ядрами гробил, ишь как запел, побывав в русской печке! Памятен он мне, весьма даже памятен... Однако и нам пора на молитву вечернюю. За мной, адъютант!

Когда они вышли из церкви, над Медвежьей горой, загадочно играя золотыми ресницами, загорелись первые звезды. По дороге, ведущей к лесу, пропылил табун. Мальчишки, окликавая друг друга, подгоняли лошадей. Слышалось: «Ванька!», «Алешка!», «Колька!»

И так хотелось Николаю вместе с ними скакать по дороге, а потом под березками сидеть у костра и слушать разные истории про колдунов, про леших, про коварных русалок, что во ржи шелестят голосами, про многое другое, чем богата русская жизнь.

Но его, графского сына, никто не посмеет окликнуть Колькой и позвать в ночное. Ему уготованы иные дороги...

5

В кадетском корпусе у Николая Каменского не все заладилось. Иной бы отец махнул рукой на такие мелочи, как небрежный почерк или равнодушие к чертежам. Не таков был Михаил Федотович.

— Военное дело, — рассуждал генерал, — не только скакать на коне. Викторией добываются прежде всего разумением.

У нас мало сведений о том, как учился будущий полководец. Река забвения поглотила наставников многих. Ефим Дмитриевич Войтяховский не забыт. Бедный белорусский шляхтич в 1786 году выпустил в Москве книгу «Курс чистой математики, содержащий арифметику, геометрию и алгебру, с прибавлением фортификации». Труд этот выдержал несколько изданий. Потом вышли в свет «Полная наука военного укрепления или фортификации», перевод книги Георга Адамса «Электрические опыты».

— В электричестве великая сила заключена! — с, воодушевлением говорил учитель.

Коля смотрел на человека с косой и буклями, в немецком кафтане с блестящими бронзовыми пуговицами, слушал его увлекательные речи и замирал от восторга. Войтяховский ему казался волшебником из сказки, все знающим, все умеющим.

Авторитет учителя был велик. Ведь он даже во дворце Екатерины Второй преподавал, ее внуков - великих князей учил. Павел, став императором, пожаловал земли Ефиму Дмитриевичу в Волховском уезде. Свою усадьбу счастливый хозяин назвал Павлодаром: именно там прошли юные годы знаменитого поэта Алексея Апухтина. Но это, разумеется, случилось потом.

А пока жива-здора была царица Екатерина, а ее сын Павел лишь мечтал о шапке Мономаха.

— Теперь же позвольте, сударь, — продолжал урок в доме Каменских учитель Войтяховский, — поведать вам об устройстве военных укреплений, кои берутся с беспримерной храбростью воинством нашим.

Денис Давыдов писал, что однажды Михаил Федотович рассердился на сына-адъютанта, снял с него галуны и «отдал в ученье одному профессору». Этому обстоятельству Николай «был обязан приобретенными сведениями».

Этим профессором был Николай Иванович Фусс — известный математик, академик, швейцарец по происхождению, зять знаменитого математика, физика, астронома Леонарда Эйлера. Госпожа Эйлер, вдова ученого, да и сам Фусс, приняли к себе юного Каменского, как родного.

Николай жил в академическом доме, находился в кругу людей, составлявших гордость отечественной науки, знакомился с их трудами.

«Раньше надо было снять галуны», - язвительно размышлял Михаил Федотович после встреч с сыном.

Чрезвычайно дорожил Михаил Федотович уроками Николая Ивановича. Аккуратно платил за пребывание сына в его доме, за все хлопоты о нем. И вдруг узнал, что наставник Коленьки вместе со всей семьей должен покинуть академический дом.

«Как же теперь быть с уче́ньем?» — встревожился. И написал — случилось это 8 июня 1793 года — письмо Н. И. Фуссу. Выразил возмущение выселением и попросил не удалять от себя Николая: «Вы его усвоили себе, продолжайте быть ему отцом. Я охотно жертвую по двести рублей ежегодно за его помещение, все время пока он останется при вас, что должно, думаю, продлиться три или, по крайней мере, еще два года. Однако, позвольте мне, но первому санному пути, взять его в Москву на месяц или на два, чтобы я сам мог судить об его успехах и о состоянии его здоровья».

Уведомлял, что сам уезжает в деревню и там останется до зимы, что поручил жене препроводить учителю тысячу рублей.

«Если господин сын мой, — продолжал строгий родитель, — не желает переменить своего почерка, то пусть он не пишет, а рисует, и не торопясь выводит буквы в своих письмах; может быть, таким образом он поправит свою руку... Все зависит от известного прилежания, и вот тут загадка, которую я бы посоветовал разгадать нашему милому Николаю. Простите, милостивый государь, мне эти пустяки; я сам их таковыми считаю; но я отец, говорю о моем сыне и уезжаю, следовательно, долго не буду иметь о нем известия. Пожалуйста, поддержите мои мысли, которые бы я желал внедрить в него для его блага, и вот почему я не пишу к нему. Если почерк его не переменится, я желал бы, чтобы он не начинал верховой езды: пусть это побудит его лучше писать, лучше рисовать, словом — отвыкнуть от небрежности. По письму вашему смею надеяться, что сын мой привезет с собою в Москву планы фортификации с профилями, как я желал, и план какой-нибудь атаки, составленной им самим».

В приписке вспомнил Михаил Федотович вдову знаменитого ученого, жившую в одном доме с зятем: «Сделайте милость, примите выражение почтительной признательности за все милости, которые госпожа Эйлер благоволит оказывать моему сыну. Да продолжит она их, а он да будет их достоин».

В 1794 году вернулся с войны Сергей Каменский. Еще не совсем оправившись после госпиталя, рассказывал о штурме Праги — предместья Варшавы. Там он, командуя батальоном егерей, получил картечную пулю в живот. Орден Владимира 4-й степени и золотой крест были ему наградой за храбрость.

— Видел Суворова? Каков он? — спрашивал, сгорая от зависти, Николай.

Сергей, развалился в кресле, горделиво поглядывал на младшего брата.

— Совсем близко видел, — отвечал. — Вот как тебя сейчас вижу. Наш фельдмаршал держался молодцом.

Горделивость брата коробила Николая. Он хмуро отходил в сторону. Его любопытство брало верх. И он продолжал прислушиваться.

Михаилу Федотовичу нравилось наблюдать. Он хорошо понимал: награды Сергея, его рассказы о Суворове оставят глубокий след в душе Николая.

В апреле 1795 года он, Каменский-второй, получив после окончания корпуса чин подполковника, уехал в Симбирский полк. Из множества напутственных слов более всего помнилось Николаю то, что услышал в корпусе.

— Прощайте, дети! — говорил директор, глядя в юные лица выпускников. — В дни мира живите, как добрые кадеты, во время войны — как храбрые воины. Да будет первым пробуждением и первым началом ваших поступков честное и доброе имя.

И еще одно запало в душу, в самую глубину сердца залегло. В доме дяди Андрея Николаевича Щербатова, которому Анна Павловна, его сестра, наказывала пуще глаза беречь в столице племянника, он не только подружился со своей юной кузиной Анной, но и страстно влюбился в ее подругу Лизу, дочь немки-ключницы.

Анна — поверенная всех дум и дел двоюродного брата, хорошо понимала, что ему не позволит строгий отец жениться на бедной, а потому горячо сочувствовала милому Коленке.

— Терпи, — говорила. — Судьбами нашими Бог руководит.

— Ах, если бы только Бог, — вздыхал влюбленный. И невольно видел перед собой

лицо родителя с глазами, пронизывающими насквозь.

Перед отъездом навестил госпожу Эйлер.

— Спасибо вам за все! - горячо благодарил. — У вас я жил, как дома.

«Даже лучше», — хотела пошутить добрая старушка, знавшая характер Михаила Федотовича. Но улыбнулась, растрогалась до слез и крепко обняла юношу:

— Будь счастлив, сынок.

Зять госпожи Эйлер пожелал Николаю умножить познания, полученные в годы ученья, добрыми делами.

А ему более всего думалось о той, что царственно расположилась в его душе на долгие годы. Ни матери, ни отцу не открывал он тайны своей.

И глаза наливались печалью.

6

Гренадеры полюбили юного подполковника.

— Неужто ему пошел девятнадцатый? — качали головами усачи. — С виду мальчишка и только.

— Небось, родитель прибавил, чтобы в большие чины скорее вышел.

— Того не может быть! Суров Михаиле Федотыч, спору нет, однако Бога боится и на такое дело не пойдет.

Полюбили за доброту.

— Не в батюшку пошел, — толковали одни.

— Погоди, — рассуждали другие, — еще зачерствеет на службе царской.

— А Суворов рази мало служил? Не очерствел орел наш!

— То Суворов. Нашел с кем равнять. Такого другого в целом свете не сыщешь.

Прошел год, сомнения рассеялись. Когда подполковника перевели командовать егерским батальоном, вздохнули гренадеры, прощаясь. Позавидовали егерям.

И еще один год пролетел.

Теперь Николай Каменский командовал мушкетерами.

В феврале 1797 года он был переведен в Рязанский полк, в апреле произведен в полковники.

Переменам служебным предшествовали перемены государственные.

То сыпал дождями, то серебрил комковатое поле заморозками ноябрь 1796 года. Фельдъегерь, загоня лошадей, катил на Орел, а оттуда — в Сабурово. Увидев крепостные стены и башни, приподнял шляпу в изумлении:

— Бог мой! Надо же такое узреть в глуши деревенской.

Кучеру велел гнать к главным воротам.

И тут увидел не кирпичную стену, а решетчатую, как в Летнем саду в Петербурге. Острые пики замерли, как солдаты в парадном строю.

Лошади остановились. Колокольчик, что заливался всю долгую дорогу, смолк, но успел поднять на ноги привратника, чутко внимавшего всем звукам через оконце кирпичной будки. Грозный вид офицера, объявившего, что он прибыл по именному повелению из Петербурга, заставил мгновенно распахнуть ворота.

Фельдъегерь привез хозяину странной усадьбы новость необычайной важности: умерла Екатерина Вторая, на престоле — Павел Первый.

Генерал-аншеф М. Ф. Каменский приглашался новым императором в столицу.

Ехал Каменский с радостью и не ошибся: Павел Первый областал старого знакомого по-царски.

Назначенный начальником Финляндской дивизии и шефом Рязанского полка, Михаил Федотович приехал в Выборг и встретился с младшим сыном.

— Вместе будем служить новому государю, — объявил.

Сын молчал. До него уже дошли слухи о больших переменах при дворе, об изгнании

тех, кого считал император близкими друзьями покойной матери, о странных похоронах Екатерины, когда рядом был поставлен открытый гроб с прахом Петра Третьего.

— Ты что? Не рад моему приезду? — строго спросил отец.

— Весьма рад, батюшка, весьма, — поспешил заверить сын.

В марте 1797 года М. Ф. Каменский был награжден орденом Андрея Первозванного, в апреле произведен в генерал-фельдмаршалы и возведен в графское достоинство.

Армия перестраивалась на прусский образец. Каменский, отозвавшийся когда-то с похвалой о маневрах в лагере Фридриха Великого, должен был забыть, как русский солдат гнал прусского до Берлина и гордо маршировал по поверженной столице. Вчерашний сабуровский отшельник теперь должен был перестраивать дивизию на чужеземный лад, превращая в стройно марширующее войско, обремененное париками, буклями и мелочными инструкциями. Строго следуя инструкциям, густо исходящим из кабинета нового царя, он не мог забыть гренадеров и егерей, бравших под его началом турецкие крепости, не имея представления о хваленых прусских правилах.

Каменский-старший задумывался.

Из Петербурга приходили вести о разжалованных, сосланных, посаженных под арест.

Попал в немилость и, простившись с любимым Фанагорийским полком, уехал в свое Кончанское Суворов. Армию облетела его злая шутка: «Пудра не порох, букли не пушки, коса не тесак, а я не немец, а природный русак».

Михаил Федотович понял, что фортуна может в любой момент повернуться к нему спиной.

24 декабря 1797 года в Рязанском полку был объявлен приказ: начальник дивизии и шеф полка по слабости здоровья от службы увольняется с правом ношения мундира.

— Неужели его сиятельство настолько болен, что не может больше службу нести? — спрашивали офицеры полка своего командира.

Николай Каменский хмурился и отвечал уклончиво: В приказе все ясно сказано.

На душе у него кошки скребли. Новый 1798 год он встречал с тревожным предчувствием.

В самом конце января к нему явился офицер из Петербурга, небрежно козырнул и отчеканил, холодно глядя в глаза:

— Полковник, вы арестованы! Извольте вашу шпагу. Николай вспыхнул, будто его смертельно оскорбили.

— За что? Кто приказал? — спросил он. Рука на эфесе шпаги дрожала.

— По повелению его императорского величества, — в голосе офицера слышалась усмешка.

Каменский торопливо отстегнул шпагу. Его лицо пылало, отчего пышный парик, густо посыпанный пудрой, казался белее снега.

Без шпаги вышел он из дома и, не поднимая глаз, чтобы не встречаться с удивленными взглядами подчиненных, направился в здание гауптвахты. Следом, хрустя чеканным шагом по морозному снегу, шел офицер. Вспомнился рассказ о том, как Павел целому полку приказал: «Шагом марш — в Сибирь!» И полк пошел отсчитывать версты долгого пути, пока его величество не изволило переменить решение. Хруст шагов за спиной выводил из себя. За что? Чем он провинился?

Вина Каменского, как потом выяснилось, состояла в нарушении одной из многочисленных инструкций, дополнявших устав, найденный, по словам Суворова, в углу развалин старого замка и писанного на пергаменте, изъеденном мышами. Полковник посмел обратиться к самому царю, хлопоча за разжалованного унтер-офицера Лутохина. хлопоты привели к тому, что, выйдя из-под ареста, Каменский уже не командовал Рязанским полком. Его оставили шефом батальона, дела пришлось сдать подполковнику Энгельгардту.

Новый командир, приняв полк, строго следил за выполнением устава. Он хорошо знал, что находится под контролем самого императора. Павел требовал срочных отчетов и донесений не только от главнокомандующих армиями, но и от шефов полков. Сам

рассматривал бумаги, сам выносил резолюции. За малейшую провинность — арест.

Роты и батальоны были расписаны не по номерам, а по фамилиям командиров. Солдаты Рязанского полка маршировали в темно-зеленых мундирах, в узких белых штанах, в низких треугольных шляпах. Мундиры стесняли движения. Косы и букли отбирали много времени. Предписание «глазами есть начальство» в строю унижало. Офицеру полагалось иметь палку для обучения солдат. Каменский палочного дополнения к шпаге не признавал. Он разговаривал с солдатами без окриков и угроз.

Вскоре в дивизию прибыл новый командующий — генерал-лейтенант М. И. Кутузов. Сподвижник Румянцева и Суворова, герой Очакова и Измаила, он был встречей радостно. Он же стал шефом Рязанского полка.

Знакомясь с офицерами, Михаил Илларионович задержал свой единственный глаз на бывшем командире полка:

— А, молодой Каменский! Рад видеть под своим началом офицера столь громкой фамилии. Как батюшка с матушкой поживают? Кланяйтесь им, мой друг.

И, подмигнув, добавил:

— Ничего. Все перемелется — мука будет. Каменскому многое хотелось сказать командующему, но ответил строго и кратко:

— Благодарю, ваше превосходительство. Служба продолжалась.

В августе 1798 года полк получил новые знамена. Знамя первой роты было с белым крестом и малиновыми углами. Оно сильно отличалось от всех других. Каждое знамя имело в светло-оранжевом кругу черного двуглавого орла и две лавровые ветви, перевязанные голубой лентой.

— Не придется ли под новыми знаменами повоевать? — толковали солдаты.

— Еще как придется! Слыхали? У французов новый воитель объявился, по прозвищу Буонапартий.

— Раз воитель, то кровью умоется солдатской.

Ветер с Балтийского моря гонял по улицам Выборга желтые листья. В дивизию прибыли рекруты. Деревенские парни, оторванные от сохи, робко посматривали на господ офицеров. Никак не могли они привыкнуть к ежедневной маршировке, буклям и косам.

— Не робейте, ребята! — ободрял новичков Кутузов. — Учитесь в бою за себя постоять.

Рекруты брали в руки ружья и обретали уверенность.

Пришел 1799 год.

Стало известно, что из деревни вызван Суворов и послан во главе русской армии и союзных австрийских войск в Италию.

— Теперь берегись, француз! — шумно обсуждали новость в Финляндской дивизии. — Наш Александра Василич покажет генералам Буонапартия, где раки зимуют.

Николай Каменский, недавно справивший свое двадцатидвухлетие, потерял покой. Суворов на войне!

Он рвался на войну.

Ночами, закрыв глаза, он представлял себя рядом с великим полководцем, закрывал его собою от пуль, бросался в штыковую атаку впереди всех. Гулко билось сердце...

После третьих петухов заиграл рассвет, а там и солнце, выкатив из-за леса, заскользило лучами по круглым башням Сабуrowsкой крепости, по массивным стенам и кудрявым кронам сада, заключенного вместе с главным двухэтажным домом в строгий кирпичный квадрат.

Вспыхнуло золото на крестах и маковках церкви, осветились белые конусы подвалов, похожих на пирамиды, блеснули острые пики решетчатой ограды, внизу туман качнулся и

поплыл по реке, цепляясь за тростники, из приземистых хат, стройными рядами расставленных по краям широкого луга, вышли косари и густой цепью двинулись по траве, дружно срезая ее косами и укладывая в пушистые ряды...

У дверей господского дома, возведенного в строгом готическом стиле, окруженного пышными клумбами цветов и аккуратно подстриженными газонами, тщательно подметенными дорожками, толпились слуги в ожидании хозяина.

— Гляди-ка, что-то наш граф замешкался в своем кабинете, — говорил один.

Видно, с бумагами возится, — сказал второй.

Третий, более осведомленный во всем, что происходило в усадьбе, возразил:

— С какими такими бумагами? В эту пору его сиятельство по саду изволит прохаживаться. Аль тебе его порядок неведом? Ранние прогулки здоровье крепят.

— Крепить-то крепят, да недуги вставать не велят.

— Какие там недуги? Вчерась и шутки шутил, и марши насвистывал.

— С чего же он так возрадовался?

— Есть причина, и немалая. Сына ждет!

— Старшего что ли? - Не угадал.

— Неужто Николай Михалыч?

— Он самый.

— Добрая весть.

Долго еще не затихал бы разговор, но открылась дверь и на пороге появился граф. Дворовые не поверили глазам своим. Барина привыкли они видеть в куртке на заячьем меху, крытой голубой тафтой, в желтых мундирных штанах, в ботфортах или в котках, в кожаном картузе. Теперь же он предстал перед ними в полной форме генерал-фельдмаршала, при всех орденах. Волосы, аккуратно заплетенные в косу, густо припудренные, падали на воротник.

Поджав тонкие губы, он окинул быстрым взглядом толпу. Лицо его вдруг осветилось улыбкой. Брови взлетели вверх.

— Слышали? — весело объявил Михаил Федотович. — Граф молодой изволит с часу на час пожаловать в родительский дом! Помните? Уехал в полк юношей, а ныне...

Вспомнил, что и сейчас его Коленька еще очень молод, и опустил брови на прерванной фразе.

Слуги насторожились. Они привыкли к мгновенным переменам в поведении графа. Не ошиблись и на этот раз. Через минуту барин с грозным видом командовал:

— Все — в дом! Каждый — к своему делу! Праздно не толкаться и гостя дорогого с глупым видом не разглядывать, будто диковинку заморскую.

Зашагал проворно по аллее, но тут же круто повернулся, как на смотру, и крикнул:

— Мальчишек — на бугор! Как увидят коляску на дороге, сразу же доложить.

...Солнце сияло высоко над Медвежьей горой, когда кубарем скатились с холма и побежали к воротам, крича:

— Едут! Едут!

Вскоре и коляска подкатила к воротам. Лошади прервали свой долгий бег по летней пыльной дороге и замерли, как вкопанные, тяжело двигая потными боками.

Из коляски на чисто подметенную дорожку выпрыгнул молодой генерал. Самый маленький из мальчишек уставился на его шитые золотом эполеты, забыв вынуть палец изо рта.

— Вынь, а то откусишь, — с напускной строгостью сказал ему генерал.

Мальчик покраснел и испуганно спрятал руку за спину. Но, подняв голову, увидел: большие глаза генерала смеялись, да и все его лицо, смугловатое и худое, светилось.

— Держи! — подал генерал мальчику большую коробку с конфетами. — И с товарищами поделись. Хорошо?

— Хорошо! - повторил, как эхо, мальчик, обнимая коробку.

Генерал снял было шляпу, украшенную зубчатым галуном, но, увидев быстро идущего к нему отца в полной форме, вытянулся, как перед старшим по чину. Шляпа заняла

место, определенное уставом, прильнув к пышному парикю.

— Добро... Добро, что приехал! — голос старого графа от волнения срывался.

Обнимая сына, приговаривал:

— Давно жду! Весьма давно... Как там матушка в белокаменной? Здорова ли?

— Матушка в добром здравии, — отвечал сын. — Кланяется.

— Сестра? Брат?-

— Мария все с матушкой занята. Сергей...

— Картами занят? Не так ли? Николай отшутился:

— Не могу знать, ваше высокопревосходительство.

— Один я все могу, — проворчал отец. — Не думал, что карьера моего первенца на генерал-майорском чине прервется.

— Не он один, батюшка, — мягко заметил сын.

— Неисповедимы пути создателя нашего, — вздохнул Михаил Федотович и, бросив взгляд на купола церкви Михаила Архангела, осенил крестом увешанную орденами грудь.

Обедали в столовой на втором этаже. Хозяин готов был всю губернию созвать на торжество встречи с сыном, только что произведенным в генерал-майоры, но желание наговориться с ним вдоволь без помех пересилило. За большим, вытянутым во всю длину просторной комнаты столом они оказались одни. Даже слугам велено было поставить кушанья и удалиться.

Встречу отметили принесенным из подвала шампанским, холодным, как лед, и откровенным разговором.

— Так с какими же добрыми вестями прибыли, ваше превосходительство, в родительский дом? — начал Михаил Федотович, улыбаясь и; любясь молодым генералом-сыном.

— Вести, батюшка, пахнут порохом, — вздохнул Николай.

— Знаю, война разыгралась в краях итальянских, — быстро заговорил старый граф. — В хвост и гриву крыл бы Буонапартий храбрых австрийцев, ежели бы не русский солдат!

— С той поры, — мягко продолжал сын, — как венский двор склонил нашего императора послать войско российское к из своего уединения был вызван Суворов...

— Правильно поступил венский двор, — ядовито загремел нетерпеливый фельдмаршал. — Иначе привелось бы ему склонить голову перед ловким корсиканцем. Наш Суворов...

Каменский помедлил. Сын почувствовал, что отцу с трудом даются похвалы знаменитому полководцу. В последнее время их судьбы внезапно стали одинаковыми: оба оказались не у дел, оба — в деревне. Но вот в Сабурово не прискакал курьер с высочайшим рескриптом, а в Кончанское послали. И не ошиблись! Герою Рымника и старость не помеха: орлом набросился на генералов Бонапарта. Гром побед слышится по всей земле.

Внимательно следил генерал-майор Каменский за сменой чувств на лице генерал-фельдмаршала Каменского. С радостью заметил потепление в глазах.

— При матушке Екатерине, — ударился граф в воспоминания, — случился за обеденным столом разговор следующего свойства. «Правду ли говорят, — спросила государыня Суворова, — что вы, Александр Васильевич, отменно знаете практику; а Михайло Федотович Каменский тактику?» — «Верно, ваше величество, — отвечал Суворов, — а токмо сказавший вам сие не знает ни тактики, ни практики». Что и говорить, не отнять у Александра Васильевича ни чести, ни прямоты. Сказывают, когда ему вручали жезл фельдмаршальский, вспомнил он и обо мне грешном. «А как же, — спросил, — Михаиле Федотович? Почему забыт?» Не хотел будто и жезл принимать. Вот он каков! Потом, разумеется, принял. Даже через стулья прыгал, приговаривая: «Прозоровского обошел! Репнина обошел! Каменского обошел!» Как-то, ему прыгается теперь там, в краях итальянских.

Михаил Федотович задумался.

Николай решил, наконец, в почву разговора, разогретого воспоминаниями, бросить

слово-зерно, ради которого пропылил сотни верст по тряским дорогам сенокосного лета, изредка прерываемого грозами и ливнями.

— Батюшка, — начал он с острым, нервным чувством, будто бросаясь в холод утренней реки, — я приехал сюда не в гости. Не то время, чтобы по гостям разъезжать.

— Чую, что по важному делу, чую, — насторожился отец. — Говори!

— Я приехал испросить вашего дозволения отправиться в действующую армию.

— Как? — вскочил граф. — Ты к Суворову! На войну!

— Да.

— Почему? Рязанский полк, насколько мне известно, оставлен в Финляндии?

— Я уже простился с ним. Мое назначение в Архангелогородский полк получено почти одновременно с генеральским чином.

— Генеральский чин — прекрасно. Однако я мог бы попросить государя оставить тебя в Выборге!

— Никого просить не надо.

Сын не стал рассказывать отцу, с какой настойчивостью он просился на войну. Да и не время было рассказывать. Фельдмаршал был готов взорваться самым тяжелым, бешеным гневом.

— Кто тебя гонит туда, — спрашивал он свистящим шепотом, — где смерть косит людей, как траву?

— Никто. Сам, — отвечал сын.

— Сам? Да ты знаешь ли, сударь, что такое война?

— Потому и еду, что не знаю. Каменскому-старшему стало невыносимо жарко. Он сбросил парик, швырнул на край старинного кресла шитый золотом мундир и, оставшись в белой рубашке, отчаянно искал слова, чтобы разубедить сына. Искал и не находил. А он, его кроткий Коленька; послушный ученик, внезапно предстал его глазам во всем непокорстве. С горячностью, свойственной всем Каменским, сын заговорил торопливо, будто боясь, что его может оборвать бешеная выходка родителя, обаятельного в ласке и неукротимого во гневе:

— Батюшка! Поймите же вы меня, наконец! Проследите течение жизни моей. В три года я — корнет, в девятнадцать — подполковников двадцать один — полковник, в двадцать два — генерал...

— Сие мне ведомо не хуже, — подал голос с усмешкой фельдмаршал.

Сын продолжал в том же наступательном духе:

— Я командую солдатами. Многие из них проливали кровь в сражениях. Есть и такие, что помнят, как их водил на турка храбрый генерал Каменский, вы, мой батюшка! А я, их командир, доселе не крещен огнем. Сие справедливо ли? Для службы при дворе, как вам ведомо, Каменские не годятся.

— Не годятся, — согласился отец, потеплевшими глазами обнимая стройную фигуру сына. — Больно уж мы на правду горячи. Матушка Екатерина, будь земля ей пухом, мой нрав не больно жаловала.

«Ах, батюшка, — подумал сын, — кому он по нраву, твой нрав?»

И улыбнулся невольно. Улыбка сына разоружила отца.

— Ну что ж... — вздохнул Михаил Федотович. — Нельзя отговорить — придется благословить. Будь, по-твоему!

Хотел сказать нечто торжественное по такому случаю, но неожиданно отвернулся и долго молчал, глядя в окно на тени глухо шелестящего сада.

Ветер усилился. Шелест перерос в шум. Солнце, недавно ослепительно сиявшее, померкло, попав в объятия мохнатой тучи. Блеснула молния...

— Гроза! — перекрестился старый граф.

Больше он говорить не мог. То ли помешал гром, ударивший так сильно, что во всех двух этажах каменного дома зазвенели стекла, то ли слезы, вдруг подступившие к глазам.

Удары грома напомнили ему буранный декабрь 1788 года, когда он гнал турок и татар

до Сакулиц, когда отнял у врага четыре пушки и шесть знамен, когда велел отвезти татарскому хану труп его сына. Вспомнил, с каким волнением дотом читал ответное письмо хана.

Каково-то будет ему самому утешать себя, если и его сын упадет на камни чужой стороны под меткими пулями французов?

Глухим, не своим голосом спросил:

— Долго ли гостить будешь?

— Долго никак нельзя, батюшка. Завтра поутру еду.

— Завтра так завтра, — опустил голову граф. — А пока отдохни с дороги. Я уже распорядился комнату приготовить тебе.

Сын поблагодарил отца и вышел. В своей комнате он нашел чисто убранную кровать и книги па столе. Ломоносов, Сумароков, Державин, сборники «Аглая» и «Аониды», недавно полученные из Москвы. Николай открыл один из сборников на стихах Карамзина и зачитался. Стихи трогали душу певучим складом, легкой грустью.

Дождь за окном затихал. Гроза откатывалась вдаль, па Орел. Молнии вспыхивали все реже и реже.

...Утром он уезжал. Блестели листья освеженного вчерашним дождем сада. Заливались малиновки, стараясь друг перед другом. Где-то в поле поскрипывал коростель. Раскатисто кричали лягушки.

— Ишь, как надрываются шельмы, — кивал в сторону реки старый граф.

Он пытался рассеять тревожные думы, но они густо теснились в мозгу, как облака, отплывшие в сторону Орла, чтобы там, на краю голубого раздолья, застыть вестниками новой грозы.

— Прощайте, батюшка! — крикнул в последний раз молодой генерал, выглянув из коляски.

— С Богом! — повторял граф, глядя вослед слезящимися глазами.

Коляска, покачивая рессорами, катила все дальше и дальше от крепостных стен и башен, от высокой церкви, от приземистых хат, закиданных соломой, от босоногих ребятишек, усталых баб и угрюмых мужиков, от ускользящих в душистый сумрак леса тропинок, где бегал бывало мальчик Коля - - ангел, душенька, удивительно похожий на свою мать — красавицу из рода Щербатовых. Тягостно было вспоминать расставание с нею там, в шумном московском доме, полном слуг и служанок, арапов и турчанок, старинных песен и преданий, трогательного уюта и хлопотливо-нежного беспокойства о каждом шаге его.

— Барин! Ваше сиятельство! — окликнул кучер. — Не пожелаете ли грусть-печаль дорожную развеять?

— Каким образом?

— Песней, ваше превосходительство. Лих в этом деле, — усмехнулся кучер.

— А уж коли, голубчик, лих, то и пой себе на здоровье. На водку получишь.

— Премного благодарны! — весело крикнул кучер.

Привстал, ударил кнутом по лошадям, чтобы о строгом присмотре за ними не забывали, присел и, чуть подбоченясь, запел:

За славной то было за речушкой, быстрым Дунаем,

Собиралась там наша армеюшка.

Повелитель у ней был сам Каменский-граф.

У турецкой было армеюшки — паши-мурзы.

Пишет паша-мурза ко графу Каменскому:

«Прошу тебя, Каменский-граф, не прогневаться.

Ты зачем зашел-завел армию российскую?

Я солдат-драгун повырублю,

А донских-то казаков во полон возьму.

Со донскими казаками я служить пойду!»

А Каменский-то, граф, во ответ ему:
«Врешь ты, паша-мурза, облыгаешься,
Небывальными речью забавляешься.
Не поймавши гуся серого, ты щипать стал:
Я твою-то братию повырублю,
А с тебя-то кожу сниму, соломой набью!»

Пел мужик, будто рассказывал.

— Хороша песня? — спросил, подмигивая.

— Знатно хороша! — похвалил Каменский. — Не желал бы я оказаться на месте паша-мурзы. — Кем придумана?

— Не могу знать, — по-военному ответил кучер. — Привезли с войны солдаты, а народ поет.